

Но когда дело доходило до его сокровища-внучка, стоило лишь встретиться взглядом с этими большими, невинными и мягкими глазками внука, как сердце отца таяло в один миг. Он был готов баловать мальчика до бесконечности и уж точно не посмел бы поднять на него руку.

Но Юань-Юань был слишком слаб, и нельзя было допустить, чтобы над ним вечно издевались. В конце концов, после долгих обсуждений, мужчины из семьи Цзи решили просто переложить эту сложную проблему на семью Цзи Юна.

Цзи Юн был самым сильным парнем среди всех внуков, а Цзи У и вовсе слыл маленьким местным хулиганом — это ясно показывало, что родители Цзи Юна умеют воспитывать детей. Никто не требовал от Цзи Юаня такой же невероятной силы, как у этих двоих братиков, хватило бы и капли той же боевитости.

Получив это поручение, отец Цзи Юна помрачнел.

Не говоря уже о том, что нынешняя боевая мощь его собственного сына была буквально выбита ремнями, бить Цзи Юаня он тоже не смел!

При одном взгляде на хрупкий и нежный вид Цзи Юаня отец боялся, что от малейшего лишнего усилия ребенок окажется в больнице.

Тогда отец Цзи Юна переложил задачу по обучению Цзи Юаня на плечи самого Цзи Юна.

Цзи Юн тоже помрачнел.

— Пап, да меня же ты сам так выдрессировал, — он воспользовался случаем, чтобы высказать претензию: — Я и так пострадал ни за что, а теперь ты хочешь, чтобы я точно так же калечил Юань-Юаня? Мама спросит, а я скажу, что это ты велел?

— Катись отсюда! Когда тебя били без причины? То ты петарды в деревенский туалет семьи Чжан кинешь и всю округу перепугаешь, то из рогатки птенцов семьи У перестреляешь. Разве отец был не прав, когда учил тебя уму-разуму? — взбеленился Цзи Цзюньго. — Короче, дело за тобой. Твой дядя Цзяньго сказал: пусть Юань-Юань не станет великим бойцом, но он должен уметь постоять за себя хотя бы на уровне сына Чжан Эрмэй.

Похоже, не только Чжан Эрмэй питала враждебность к семье Цзи, но и Цзи Цзяньго затаил обиду на семью Чжан!

В общем, все они были ужасно злопамятными.

— Ну, это задачка со звездочкой. Не смотри на то, что * меня побить не может, перед другими одноклассниками он ого-го какой грозный, — Цзи Юн почесал затылок. — Пойду спрошу малыша Суна, этот парень обучает других куда лучше меня.

Тогда Цзи Юн перепоручил это дело Сун Цзинину, разумеется, выложив всю предысторию.

Услышав, что Цзи Юаня снова обижают в школе, причем обидчик — какой-то первоклашка, Сун Цзинин почувствовал, как в нем закипает ярость. Ладно в прошлый раз — те пацаны были куда крупнее его, проиграть им было еще куда ни шло. Но это что за безобразие? Теперь его даже малыши могут задирать?

— У твоего брата такая светлая голова, почему же в остальном он такой бесполезный?

Цзи Юн возмутился:

— С чего это он бесполезный? Не забывай, на промежуточных экзаменах он нас всех подтягивал. Если считаешь его бесполезным, на финальных экзаменах сам к нему не подходи.

Сун Инин больше не смел пререкаться.

Он ведь еще планировал попросить Цзи Юаня о дополнительных занятиях перед итоговыми экзаменами! И не мудрено: Цзи Юань угадывал вопросы с божественной точностью — всё, что, по его словам, могло попасться, в итоге почти полностью было в билетах. Быть глупцом, упуская такую шпаргалку, не стал бы никто.

Поэтому Сун Инин взял на себя задачу обучить Цзи Юаня дракам, вот только при новой встрече с Цзи Юанем он снова почувствовал крайнее раздражение и сильную досаду на его бесхребетность.

— Я слышал, тебя снова обидели в школе?

К всеобщему удивлению, Цзи Юань не стал жаловаться. Напротив, он беспомощно вздохнул и с видом маленького взрослого произнес:

— Ничего подобного. Мы просто играли с ребятами в игры, один малыш заплакал, вот я и поддался. Всё равно от победы никакой славы.

— Юань-Юань, ты правду говоришь? — Цзи Юн хлопнул себя по груди. — Не бойся, если кто-то обидит тебя, я сам его отлуплю.

— Прямо-таки никто не обижал, мы просто играли, и я уступил малышу. Братец Юн, ради всего святого, не вздумай обижать детей.

Сун Цзинин поймал себя на том, что у него неожиданно полегчало на душе.

В конце концов, Цзи Юань был из их компании, а обижать Цзи Юаня означало бросать вызов им всем. Ему даже не нужно было поручение Цзи Юна — он бы и сам пришел мстить. Но если речь шла о малышне, тогда другое дело.

Цзи Юн тихонько спросил Сун Цзинина:

— Похоже, взрослые просто всё не так поняли. Как думаешь, стоит ли все равно учить Юань-Юаня драться?

— Конечно, стоит, — утвердительно кивнул Сун Цзинин и указал на ничего не понимающего Цзи Юаня: — Посмотри на его лицо — это же чистокровный тип ребенка, которого в школе будут задира́ть первыми. Ты же не сможешь таскаться за ним по пятам круглые сутки, защищая?

Цзи Юн тут же закивал.

Так Цзи Юаня неведомым образом притащили к Сун Цзинину под предлогом обучения рукопашному бою.

Цзи Юань немного опешил, но сразу согласился.

В прошлой жизни учитель, опасаясь за его безопасность, тоже учил его приемам самообороны, но за десять лет после перерождения он почти всё позабыл. Раз уж в юные годы учитель сам вызвался его учить, он, конечно же, ухватился за эту возможность.

С тех пор каждый день после уроков Цзи Юань с рюкзаком за плечами приходил к Сун Цзинину: сначала они вместе делали домашку, а затем приступали к тренировкам.

Уроки делать первым предложил Цзи Юань — он ни за что не позволил бы учителю забросить учебу, особенно учитывая его собственный выдающийся талант.

Сун Цзинин согласился главным образом потому, что его матери нравилось видеть его за учебой. К тому же, если что-то было непонятно, можно было спросить Цзи Юаня, который с легкостью во всем разбирался, так что выполнение домашней работы перестало быть пыткой. В знак благодарности Сун Цзинин стал подходить к обучению Цзи Юаня с еще большим усердием.

Однако через несколько дней занятия пришлось прервать. Причина заключалась в том, что все бумаги о переводе стариков с фермы наконец пришли, и им предстояло уезжать.

Еще до этого Цзи Юань раздобыл домашние адреса дедушек и пообещал писать им каждый месяц, а напоследок он сделал одну важную вещь.

Старики с фермы растили и воспитывали его целых десять лет. И пусть в то десятилетие Цзи Юань не мог полностью распоряжаться своей жизнью, они прожили бок о бок целое десятилетие, и он прекрасно знал привычки и особенности каждого. Поразмыслив о том, что дедушки столько лет были разлучены со своими семьями и теперь могли отвыкнуть от близких, он решил написать их родственникам личные письма. В них он подробно перечислил всё: какие книги любят дедушки, какую еду предпочитают, какими хроническими болезнями страдают.

Но потом, подумав, что ему, чужаку, не следовало вмешиваться в такие дела, он порвал черновик и написал заново. В новых письмах он упомянул лишь их недуги — например, ревматизм прадедушки Цзэна, гипертонию дедушки Лу и прочее, — выразив надежду, что родные проявят заботу об их здоровье.

Он написал больше десятка таких писем, учитывая состояние каждого, аккуратно запечатал их в конверты и передал дедушкам. На бумагу и конверты ушли все его накопленные карманные деньги, но он ни капли не жалел об этом. Со слезами на глазах он провожал стариков, тяжело переживая разлуку.

Судьба разбросает их по разным уголкам страны, и кто знает, через сколько лет удастся увидеться снова.

Старики с фермы уезжали на специальном автобусе, присланном из города. Городские власти впервые узнали, что на подведомственной им территории скрывалась целая группа столь высокопоставленных лиц, и перепугались до смерти — мэр лично приезжал с визитом. А теперь, услышав об их отъезде, тут же выделил служебный транспорт для проводов.

Попрощавшись с семьей Цзи, старики, хоть и испытывали грусть от расставания, больше были полны энтузиазма и грандиозных планов. Перешучиваясь и смеясь во время поездки, кто-то из них вдруг вспомнил про конверт, переданный Цзи Юанем перед посадкой, и с любопытством произнес:

— Как думаете, что Юань-Юань написал в этом письме?

Цзи Юань наказал им вскрыть конверты только дома, но эти стариканы и не думали соблюдать правила — они всю возбужденно распечатывали письма прямо в машине.

Секретарь мэра по имени Сяо Кэ, назначенный сопровождать их, сидел на переднем сиденье. Внезапно заметив странную тишину, воцарившуюся позади, он торопливо оглянулся. И увидел, что эти важные старые руководители, чьему будущему положению можно было только позавидовать, держат в руках совершенно одинаковые листки бумаги. Они читали их, улыбаясь, и время от времени смахивали слезы — то ли плакали они, то ли радовались, понять было невозможно.

Секретарь не смел мешать и молча отвернулся, лишь услышав, как кто-то из стариков позади говорит:

— Юань-Юань — хороший мальчик. Стоило ли нам столько лет о нем заботиться?

Юань-Юань? Мальчик?

Сяо Кэ невольно вспомнил того паренька, которого на ферме по очереди тискал каждый из влиятельных стариков.

Этот ребенок звал дедушкой каждого из них, и старые руководители отвечали ему взаимной нежностью. Их отношения были настолько теплыми, что посторонний мог бы подумать, будто они самые настоящие кровные родственники!

Говорили, что отец этого паренька — обычный мясник с фермы. Мальчика каждый день приводили туда, и он попался на глаза старым руководителям. Какое же везенье! Имея такие связи, он в будущем обязательно добьется небывалых высот.

Тут другой старик произнес:

— Мы слишком многим обязаны семье Цзи от начала и до конца.

Сяо Кэ не удержался от презрительного фырканья. Он наводил справки: тот мясник в свое время тоже был сослан из-за преступления — точно так же, как и старые руководители. Помогли друг другу из жалости к общей судьбе, а старые начальники почему-то вознесли его едва ли не до небес и даже попросили мэра перевести его на другую работу — ну и повезло же парню.

Окажись на его месте кто-то другой, он бы наверняка справился куда лучше этого мясника.

Так думал не один лишь Сяо Кэ. Стоило людям узнать, кем на самом деле были пожилые ссыльные с фермы, как завистников удаче Цзи Цзяньго нашлось немало. Подумать только: просто помогал по хозяйству, а в итоге заслужил огромную благодарность. И дело даже не в том, что старики уже устроили Цзи Цзяньго на новую должность — когда мальчик подрастет, с такими-то связями получить хорошее распределение можно будет по одному лишь слову!

В нынешнее время устроиться на работу становилось всё труднее, и порой не хватало никаких взяток и черного хода, а у Цзи Юаня уже всё было схвачено, теплое местечко ждало его наверняка.

Что бы ни думали посторонние, для семьи Цзи это было просто прощание с близкими людьми, с которыми они прожили бок о бок десять лет. Цзи Юань выплакал все глаза, его нос покраснел, и Цзи Цзяньго долго качал его на руках, прежде чем малыш наконец успокоился.

— Папа, когда я вырасту, я отправлюсь в путешествие один, чтобы навестить дедушек, — сказал Цзи Юань.

— Хорошо-хорошо. Только сначала тебе нужно хорошенько освоить боевые искусства и научиться защищать себя, а уже потом ехать.

— Угу.

Единственным близким человеком Цзи Юаня в прошлой жизни был учитель, а в этой у него появилось множество родных, но в один миг большая их часть исчезла, оставив в его сердце зияющую пустоту. Вернувшись домой, он по очереди обнял родителей и дедушку, всласть похныкал и покапризничал, а затем побежал к Сун Цзинину и крепко обнял старшего товарища.

Сун Цзинин слегка растерялся от такого напора: среди их парней было не принято вот так барышничать и нежничать. Он ухватил Цзи Юаня за ухо, заставляя поднять голову, и, увидев его покрасневшие глаза и жалобный вид, с мрачным лицом отстранил его:

— Встань смирно. Тебя снова кто-то обидел? Разве я не учил тебя драться?

Цзи Юань на мгновение замер, выпрямился и ответил:

— Никто меня не обижал.

— Тогда чего ты реवेशь?

— Мой дедушка уехал, мне грустно.

Сун Цзинин опешил:

— Дедушка Цзи умер?!

— ... — Цзи Юань очень захотел последовать примеру деда и сплунуть три раза от греха подальше.

Детские слова — ветер носит.

— Не говори глупостей, мой дедушка жив-здоров.

— Ты же сам сказал, что дедушка уехал?

— Это мои дедушки с фермы уехали!

— А-а... — Сун Цзинин не отличался особой сентиментальностью. — Ну ладно, не разбираюсь я в этом, главное, что жив. Иди сюда, помогай работать.

После такого комичного недоразумения вся грусть Цзи Юаня мигом испарилась, и он с новыми силами взялся за дело:

— Маленький братец Сун, что нужно делать?

— Я собираюсь склотить каркас, помоги придержать.

Возле дома Сун Цзинина лежал наполовину собранный каркас и несколько разбросанных досок — именно этим он и занимался, пока Цзи Юань не прибежал к нему. Увидев, что Сун Инин взял пилу и собирается пилить доску, Цзи Юань тут же подбежал, чтобы прижать ее крепче, и попутно спросил:

— Братец Сун, ты что, сам всё это собираешь?

— А кто по-твоему?

— Я к тому, а почему ты братца Юна не позвал на помощь?

В обычных домах, разумеется, не было электропилы, и братец Сун медленно, сантиметр за сантиметром, пилил доску обычной ножовкой. В такую жару он весь покрылся потом, и Цзи Юань, пожалев его труд, тут же решил сдать брата с потрохами.

— Я бы и рад, только понятия не имею, куда его нелегкая понесла.

— Я слышал, они сегодня собирались в школу на заднюю гору за мандаринами.

Сун Цзинин тут же бросил пилу, подошел к калитке соседа и крикнул:

— Хэ Гуй, выйди на минутку!

Из дома тут же выскочил невысокий мальчишка лет десяти в шортах и майке и закричал:

— Братец Сун, звал? Чего надо?

— Сбегай к задней горе у Средней школы «Красная Звезда», найди Цзи Юна и передай, что у меня к нему срочное дело, пусть немедленно бежит сюда. За это угощу тебя грушей.

— Ладно, сейчас! — Хэ Гуй радостно припустил со двора.

Средняя школа «Красная Звезда» была построена у подножия небольшого холма, и его склоны давно стали излюбленным местом для многих учеников. Стоял октябрь — золотая осень, время цветения османтуса и созревания всяких лесных даров. Пользуясь выходным, немало школьников отправлялось на заднюю гору за дикими лакомствами. Если бы не необходимость помогать семье с постройкой каркаса, Сун Цзинин, пожалуй, тоже давно бы уже ушел туда.

Хэ Гуй добежал до подножия холма и пару раз громко окликнул ребят. Цзи Юань услышал его, подбежал, выяснил в чем дело и, решив, что стряслось что-то срочное, схватил мешок и примчался на всех парах. Остальные приятели тоже поспешили следом, но по прибытии обнаружили, что их просто созвали на работу. Цзи Юань сделал вид, что отвечает Сун Цзинину пару пинков, после чего они вместе с товарищами принялись за дело, а слабого и маленького Цзи Юаня прогнали в сторону.

Цзи У сунул в руки Цзи Юаню несколько набранных ими пакетов с дикими плодами:

— Юань-Юань, иди помой фрукты, здесь ты нам не нужен.

— ... — Цзи Юань спрятал оскорбленное самолюбие и поплелся мыть ягоды.

Один за всех, и все за одного — пока Сун Цзинин пилил бруски, а Цзи Юн с товарищами собирали каркас, работа спорилась, и вскоре основа была готова. В знак благодарности Сун Цзинин щедро угостил ребят мороженым, выдав деньги и отправив за покупками Цзи Юаня и Цзи У.

Гомаг был единственным магазином в поселке, и ассортимент товаров по меркам той эпохи был крайне скудным. Например, нитки в гомаге продавались только трех цветов — черные, белые и серые, а яркие расцветки не завозили. Когда Ли Шулань однажды захотела купить розовые нитки, продавщица гомага заявила, что это неприлично. Мороженое тоже было самым простым — по одной фыньюнке за палку, с добавлением сахара. В городе уже вовсю продавали пломбир, но гомаг принципиально его не закупал, объясняя это тем, что поселковые жители всё равно не смогут его позволить, а залеживаться товару не положено.

Когда мальчики вошли в помещение гомага, продавщица сидела за прилавком, одновременно вывязывая узор на шарфе и пялясь в телевизор. Этот двенадцатидюймовый черно-белый телевизор был единственным на весь поселок — такого не было даже у самого главы поселка. Местная администрация добыла его под предлогом продажи для нужд населения, но ставить в здании исполкома не рискнула, а пристроила в гомаге, позволив всем желающим смотреть бесплатно в качестве такой благотворительной общественной пользы. Днем зрителей собиралось немного — в основном малышня с округи, тесной кучкой усевшись на полу прямо перед прилавком и завороченно глядя в экран. Зато к вечеру пространство от прилавка до самой входной двери забивалось битком.

Продавщица лет сорока с лишним совершенно не обращала внимания на вошедших мальчишек

и лениво бросила:

— Хотите смотреть телевизор — сидите тихо, не загораживайте прилавок.

Цзи У, не отрывая глаз от экрана, пробормотал:

— Тетенька, нам десять порций мороженого.

Шла самая захватывающая сцена сериала, и продавщица даже не шевельнулась, бросив через плечо:

— Погодите.

Просмотрев так еще минут десять и дождавшись спада напряжения в сюжете, она наконец поднялась, чтобы выдать им мороженое.

Цзи У ни капли не чувствовал себя ущемленным — он и сам был целиком поглощен зрелищем! Цзи Юань же давно привык: в гомаге такая синекура, что люди, попадавшие сюда на работу, обязательно имели за спиной нужных покровителей, а из-за отсутствия всякой конкуренции быстро привыкали к высокомерному и пренебрежительному тону.

Провозившись у Сун Цзинина до самого вечера, мальчишки наконец разошлись по домам. Дома у Цзи Юаня уже был готов ужин, и поскольку сегодня он плакал, семья даже расщедрилась на куриную ножку, чтобы утешить его. Цзи Юаню стало неловко, и он попытался отдать ее бабушке. Старик Цзи Лаогэнь обрадовался сыновней заботе, с умилением сжевал кожицу, а остальное мясо силой заставил доесть самого внука.

Когда семья закончила ужинать, Цзи Цзяньго неожиданно произнес:

— Пару дней назад дядя Цзэн и остальные спрашивали мое мнение, предлагали восстановить меня на механическом заводе, но я отказался.

Ли Шулань и Цзи Лаогэнь очень удивились и наперебой затараторили:

— Почему отказался? Чем плох механический завод?

Механический завод был крупным городским предприятием, куда Цзи Цзяньго в свое время устроил Цзи Лаогэнь, задействовав связи сослуживцев. Если бы тогда его не сослали обратно, проработай он там до сих пор, он числился бы городским кадровым рабочим, да и статус с льготами были бы совсем другими. К тому же работа на бойне легкой не назовешь, да и репутация у нее сомнительная. Конечно, любой труд почетен, но государственный завод и государственная бойня — звучит ведь совершенно по-разному, правда?

Цзи Цзяньго хмуро ответил:

— В те годы, когда меня сослали, я переругался со многими коллегами и больше не хочу видеть их лица. К тому же вы все здесь, какой смысл мне одному ехать в город?

Тогда на заводе его заставляли развестись с женой, а те невоспитанные работяги наговорили Ли Шулань столько гадостей, что от одних воспоминаний становилось тошно. Цзи Цзяньго совершенно не горел желанием общаться с такими людьми. Конечно, ему тоже не улыбалось до конца жизни рубить свиней на бойне, но в самом поселке подходящих заводов для перераспределения просто не было. И по сравнению с полудохлым состоянием какого-нибудь сталелитейного цеха на бойне было всё же лучше. Хоть работа и тяжелая, но сейчас мясо могли позволить себе все семьи, так что зарплата у него всегда держалась на достойном уровне.

— Ну... тогда... — Ли Шулань и Цзи Лаогэнь тоже хотели найти для него выход, но, поразмыслив о бедственном положении других полуживых поселковых предприятий, решили, что держаться за бойню и вправду надежнее, и с тяжелым сердцем замолчали.

Цзи Юань тоже хотел помочь, но, к сожалению, частная экономика еще не докатилась до этих мест — даже на юге всё только-только зарождалось, а в газетах каждый день кричали о необходимости искоренять враждебную капиталистическую идеологию. Цзи Юань предпочел бы видеть отца уставшим, чем рисковать и позволить ему подвергнуться этому самому искоренению.

В глубине души он понимал, что сейчас всё складывалось неплохо, но на душе у всех оставался тяжелый осадок — каждый из них хотел, чтобы Цзи Цзяньго жилось чуточку легче. Полагая, что раз Цзи Цзяньго ответил отказом, на этом история закончена, они успокоились. Кто бы мог подумать, что спустя два дня Цзи Цзяньго неожиданно получит из города официальный приказ о переводе.

Его распределили в поселковый гомаг.

Гомаг располагался в одноэтажном здании в самом центре поселка и насчитывал три прилавка. Посередине находился отдел бакалеи и товаров повседневного спроса — именно там Цзи Юань покупал днем мороженое. Слева располагался скобяной отдел, где продавали шурупы, железные гвозди, гаечные ключи и прочую металлическую утварь, а справа — отдел сельскохозяйственных товаров, торговавший семенами, пестицидами и инвентарем.

Если не считать отдела сельхозтоваров, два других прилавка на данный момент прозябали в полуживом состоянии.

И это было очевидно каждому без лишних слов.

Скобяные изделия покупают раз в десять лет, и нынешняя прибыль держалась в основном на

расходниках вроде шурупов и гвоздей. Что уж говорить про отдел бакалеи: товаров кот наплакал, да еще и выслушивай вечно недовольные лица продавцов, так что все предпочитали ездить за покупками в город, совмещая это с прогулками.

Если бы не черно-белый телевизор, привлекающий народ, в гомаге царила бы мертвая тишина.

Но при этом должность продавца действительно считалась самой спокойной и легкой в поселке, да и зарплата была приличной. Находясь в ведении поселковой администрации, она формально приравнивалась к госслужбе. В ту эпоху по своему престижу такая профессия была чем-то вроде стюардессы в более поздние времена — заявить о ней в обществе было очень даже почётно.

Что же касается планов по выручке и торговых показателей, то о них никто и не заикался.

Гомаг — это магазин, служащий народу, а погоня за прибылью — дело рук капиталистов, об этом даже думать было стыдно.

Цзи Цзяньго назначили заведовать отделом металлоизделий, где прежде работал один мужчина-продавец. После трудоустройства Цзи Цзяньго того сотрудника переводили на официальную ставку на городской механический завод.

Это был очевидный взаимовыгодный обмен. Начальник бюро трудовых ресурсов поселка, научный сотрудник Ху, через которого оформлялся этот перевод, опасаясь недовольства Цзи Цзяньго, даже специально заглянул к нему с разъяснениями:

— Раньше в скобяном отделе работал мой племянник. Парню уже 23 года, а семьи всё нет, вот и захотелось перевести его в город, чтобы проще было подыскать невесту. Если ты, братец Цзяньго, не согласен, так тому и быть.

При этом он тяжело вздохнул:

— Только вот жалко племянника — неизвестно, в каком году теперь остепенится.

Цзи Цзяньго не питал ни к кому негатива: раз уж он занял чужое место, нужно дать человеку дорогу. Откажись он, а парня сошлют в какую-нибудь глушь — другое дело. Но раз обе стороны оставались довольны, зачем ему было артачиться?

— Конечно, я согласен. Только примет ли этот перевод механический завод?

Научный сотрудник Ху не ожидал, что Цзи Цзяньго окажется столь несговорчивым, и торопливо заверил:

— Без проблем, никаких проблем! Раз ты согласен, со всем остальным я сам разберусь.

Получив согласие Цзи Цзяньго, научный сотрудник Ху наконец успокоился и проникся к нему еще большим уважением. Пусть у Цзи Цзяньго не было личной власти, но за его спиной стояла целая группа влиятельных старых руководителей — завести с ним хорошие отношения было куда выгоднее, чем наживать врага.

<http://bllate.org/book/22417/2353568>